

Нулевой
Век.
Век
ЗАРОЖДЕНИЕ
ЖИЗНИ

АЭЛИТА.
TENNA
LISS МЕЛЬНИКОВА

Аэлита. Мельникова Нулевой век. Век зарождение жизни

<https://litres.ru/74378388>

SelfPub; 2026

Аннотация

Описание: Воображение автора который написал истории о том как этот мир был зарожден.

Титс старший брат не кровный потерял все в одночасье и семью и брата младшего. Он отправляет в путешествие на другую планету, где должен найти своего брата по имени Сэмюэль. Но чтобы найти его ему предстоит столкнуться с реальностью и самим злом в этом мире. Сама тьма станет перед на его пути к его цели. И как же он поступит?

Содержание

Вступление	4
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Аэлита. Тенна Liss Мельникова Нулевой век. Век зарождение жизни

Вступление

Предисловие к книге «Нулевой век: Век зарождения жизни»:

Произведение, которое вы будете читать со вступления и до последнего слова, не является религиозным, поскольку история была полностью придумана и реализована в фэнтезийном мире. Эпизоды, которые вы будете читать, могут показаться достаточно сложными, ведь их действия происходят не на одной планете, а во многих вселенных. Каждая глава будет нести тот смысл, который вы сами для себя вынесите.

Подобно Инь и Ян, олицетворяющим тёмное и светлое, в этом произведении будут фигурировать две другие силы: тёмная, холодная звезда, имя которой — Луна, и светлая, яркая звезда, имя которой — Солнце. Они — две неотъем-

лемые части жизни каждого живого создания, подобные родителям всего живого на свете.

Сноски

Адепт — создание сущности, имеющий мысли и желания своих создателей, а также их силы.

Первородные — создания, что порождены адептами, были названы первородными. Всего их трое.

Аккасии — мир света, созданный Солнцем. В нём перерождаются и обретают облик новые светлые души.

Аkkalop — мир, сотворённый тёмным созданием по имени Луна, имеющий лишь яркую, мрачную Луну, что освещает место наподобие пустыни, где нет ничего. Там водятся только тёмные создания.

Нулевой век — Век зарождения. Время, когда всё началось.

Вступление

Тёплый весенний ветерок разгонял листья на деревьях. Солнечные зайчики бегали, отражаясь бликами в маленькой речке, протекающей так далеко, что не было видно её конца и края. Возле этой речки были слышны маленькие детские голосочки. Она была очень теплой, хоть сейчас и не лето. Однако дети очень любили эту реку — они плескались, смеялись, радовались и после своих детских шалостей всегда возвращались домой мокрыми.

Дерево ивы низко кланялось речке, а сорванцы часто околачивались под его ветвями. Внезапно подул ветер — деревце качнулось и склонилось ещё ниже. Дети взбирались повыше, стараясь как можно скорее спрыгнуть, чтобы получить большую радость от прыжка в воду.

Мальчику по имени Тист показалось, что искупнуться в эту пору года — очень хорошая идея. Однако он мог лишь смотреть на тех малышей, которые с радостью и смехом прыгали прямо в речку, потому что сейчас была его очередь помогать матушке развешивать белье.

У Тиста были необычайно красивые золотистые волосы до плеч, которые и привлекали внимание всех жителей деревни. Его волосы имели потрясающий оттенок: ярко выраженные жёлтые пряди. А ещё эти янтарно-алые глаза и очаровательная улыбка, которой он мог, пожалуй, покорить любого человека. Она была настолько искренней и тёплой, что мальчик казался самым настоящим лучиком солнца — всегда был радостным и словно понимал людей, лишь взглянув на них.

В семье Тист был старшим, имел смуглую кожу, поскольку всё время был на улице и купался в солнечных лучах. Сейчас, держа таз с мокрым бельём, он засматривался на негодников, что так яростно играли — и ему хотелось так же.

Была у мальчика одна маленькая тайна и в то же время, как считал он, — проблема: его матушка не была ему кровной. Его это уже не волновало, ведь он любил её как род-

ную мать. Юноше было лет пятнадцать от роду. Он смотрел в сторону, где, как ему казалось, обижали его младшего брата. Тист был среднего роста, однако всегда старался компенсировать это своей гибкостью и ловкостью.

Младший брат был достаточно странным мальчиком, но старший всё равно любил его как родного. Был у него один изъян, о котором знала вся деревня, ведь именно из-за этого он постоянно попадал в настоящие неприятности — мальчик совершенно не мог различать, когда у него были боли, ожоги или травмы. Это, конечно, не нравилось Тисту, но что поделать? Сэмюэль был именно таким: робким, застенчивым и не умеющим дать сдачи задирам.

Матушку звали Шарлотта — она была очень милой женщиной. Настолько, что доброта её порою несла ущерб ей и её детям. Чёрные волосы матери завивались; они были короткими и ломкими. Взгляд Шарлотты всегда был очень добрым, а голос — приятным: словно успокаивал таких непосед, как Тист. Она часто задумывалась о благе своих детишек. Внезапно подул ветер, заставив её съёжиться, а после слегка откашляться... Благо сын этого не заметил.

Деревня была маленькой, но жили в ней только пожилые да совсем молодые люди. Сразу возникал вопрос: «Куда подевались все мужчины средних лет?»

Детишки часто ходили в булочную, но не чтобы обокрасть или подшутить, а скорее наоборот — помочь. За эту помощь они получали очень вкусную награду. Печь была всего в од-

ном доме во всей деревне, поэтому порою люди стояли в очереди с раннего утра, лишь бы получить кусок хлеба. Они не расплачивались деньгами, ведь здесь не было так принято. Взамен нужно было принести что-то другое — такое же съедобное.

Как и в любом городе или деревне, в этом маленьком поселении были свои суеверия. Люди всегда старались думать лишь о радостном, не взирая на то, что случалось вокруг.

Шарлотта была очень улыбчивой и миловидной женщиной, всегда старалась порадовать своих детей. Она ждала возвращения своего мужа, как и многие здешние женщины. Прихорашиваясь каждое утро, приводя в порядок свои кудрявые чёрные локоны, она слушала, как в ванной вечно игрались детишки. Они любили дурачиться: играть с мылом и создавать пузыри. Но она сама продолжала опечаленно смотреть глубокими черными глазами на фотографию, что стояла прямо рядом с зеркалом — там были она, её муж и грудной младшенький. Шарлотта уже очень долго ожидала возвращения своего мужа.

У местных женщин сложилось суеверие: если мужу пришла повестка, то не стоит заводить детей, ведь роды и пропитание — тяжёлые испытания, которые трудно пройти в одиночку. Учитывая это, можно сказать, что в итоге дети умирают, так и не дожив до конца грудного возраста.

Только Шарлотта не побоялась взять ещё и мальчика-сироту, найденного в воде. Он был таким же маленьким, как и

её сын Сэмюэль. Она была даже благодарна великому Солнцу, что повстречала этого малыша. Люди часто так выражались — «Великое Солнце» — и благодарили его за то, что дал столь ценное.

Мальчик показался ей беспомощным и очень напуганным. Его ручки тянулись вверх и хотели человеческого тепла. Он лежал в странной люльке, на которой написано имя — Тист. Женщина решила так и назвать мальчика, подумав, что так хотели назвать его родители, но по какой-то причине не смогли этого сделать.

И, наконец- то, в их скромном жилье при зажжённой свече она укладывала детей, которые досыта нагулялись, спать. Детишки с величайшим интересом ожидали услышать от мамы ту великолепную историю, что была у всех на устах.

— Мальчики, пора ложиться, — она хлопнула в ладоши, и мальчики послушно запрыгнули в свои кровати — один с одной стороны, другой с другой.

Постель была не столь мягкой, потому что из досок, а подушка набита соломой. И самое важное — они укрывались шкурами животных.

Увидев готовность слушать, Шарлотта слегка подняла голову вверх, радуясь тому, что её дети слушают сказку. Она присела на стул, который стоял посреди комнаты меж двух кроватей, и стала очень медленно рассказывать.

— Когда-то давно, — начала она некую сказку, — в мире не было ничего. Лишь пустота, наполненная Солнцем, что

встаёт на рассвете, и Луной, что приходит в ночи. Эти две живые звезды не могли ужиться друг с другом, потому что каждый из них считал правым только себя в том, каким должен быть этот мир. Их долгие дискуссии стали надоедать даже им самим, пока каждый не решился создать такой мир, каким они пожелают его увидеть. — Внезапно речь матушки перебил Сэмюэль.

— А какой он — этот самый мир? — любопытно посмотрел тот своими чёрными глазками и шмыгнул носиком, прикрываясь шкурой животного.

— Сэмюэль, — встала с места женщина и подошла ближе. Она наклонилась к нему и поцеловала сына в лобик. Но не успела ответить — внезапно на неё напал приступ кашля, который начал душить. Женщина быстро отвернулась, чтобы не показывать своё плохое здоровье детям.

— Мам? — тихо и обеспокоенно прозвучал голосок Сэмюэля. Он уже встал на кровать и стал подходить к матушке, чтобы обнять, но вдруг ощутил, как на него со всей силы прыгнул старший брат, повалив на пол. Дети сразу же стали драться или же дурачиться.

Младший не должен был знать о её плохом самочувствии — и так решил сам Тист. Ведь она скрывала это от них и не хотела, чтобы дети волновались. В итоге мальчиков вновь пришлось разнимать, но она не развела их по разным углам. Пока матушка вела Сэмюэля к углу, тот заметил платок, лежащий на полу.

— А дальше? — поинтересовались дети, опечаленно стоя в углу.

Поставив стул в другую сторону, женщина уселась и печальным голосом продолжила:

— Каждая из сторон породила адептов* — своих проводников в этот мир. Солнце воссоздало прекрасную деву — её невероятные пепельные волосы доходили до земли. Луна же создала мужчину. Говорят, он вышел прямо из её тени.

Мальчишки захихикали, ведь такие байки им было слышать не впервой. Но взрослые говорили о них с опаской, словно боялись. Шарлотта намеренно откашлялась, перебив их насмешку, и закончила историю:

— Женщину звали Миррой, ибо она несла всем только радость и счастье, а мужчину — Маррой, — но дальше она ничего не рассказала. Неожиданное землетрясение заставило мать и детей выбежать из своего жилища.

Взгляд женщины, как и всех жителей, застыл, когда они увидели на небе длинное чёрное пространство. Это пространство было видно даже в темноте среди звёзд, и выглядело оно крайне пугающе — плавно и хаотично расширялось. К сожалению, это видели не только жители этой деревни, но и люди из других городов и поселений, что обитали на планете Фентах — земле, где флора и фауна была зелёной, а животные различных видов были совсем не агрессивны по отношению к людям.

В деревне стали зажигать костры и факелы. Взрослые бы-

ли напуганы, но при детях старались этого не показывать. Собравшись в доме старосты, они закрылись и никого больше не впускали.

Происходило что-то, но никто не говорил — это явно плохой знак. Тист, который вышел вслед за матерью и братиком, был обеспокоен не меньше. Оглянув деревню, тот увидел маленькие одноэтажные кирпичные дома.

Дом мистера Кенара прохудился. Этот старичок живет уже много лет и всегда жалуется на свою бедную спинку. Детишки очень любили этого дедулю, ведь он старался угощать их то молоком, то приготовленными в пекарне булочками. У него был очень забавный подбородок с ямочкой, а ещё часть волос была белой, как снежок — детишки тайно подшучивали над ним из-за этого. Но всё же, видимо, он что-то знал.

Миссис Арин была очень болезненной женщиной средних лет. Слепота мучила её уже много лет, но это не мешало ей выходить на улицу, чтобы прогуляться до рынка и назад в свой дом. Её кудрявые волосы порою заставляли прохожих засматриваться и говорить: «Вы прекрасны даже сейчас, миссис». Тем не менее, женщине было сложно одеваться, поэтому у неё был помощник — дочка, всегда готовая прийти на помощь. Девушка уже достигла того возраста, когда пора выходить замуж, вот только не было за кого. Их семья была более обеспеченной, чем остальные.

Мальчик подошёл ближе к речке, где стояла ива. В ночное время это место словно сияло — отражение луны в небе

было очень ярким. Мальчик сидел, сложившись калачиком, и пускал нюни. Он старался не показывать свои слезы и переживания, поэтому, если чуть что, то сразу бежал сюда. Несмотря на то, что место было известным, Сэмюэль приходил именно сюда. Тёплая ладонь легла на его плечо. Он поднял голову, ожидая увидеть лицо матушки. Обычно в такие моменты она всегда успокаивала его словами.

— Брат? — Сэмюэль промолвил это, шмыгая, а его глаза были покрасневшими.

— Что на этот раз случилось? Обиделся? Испугался? — стал обрывчато расспрашивать Тист брата, чтобы отвлечь его внимание. Вслушиваясь в речь, тот и правда перестал плакать, после чего старший вытер рукавом остатки слёз на щеках младшего. Слегка успокоив плаксу, мальчик сел рядом и стал поглаживать его по головке, отчего Сэмюэль почувствовал себя защищённым.

Иногда даже старшие напуганы неизвестным — что уж говорить о детях. Живя в мире, где есть лишь разрушение, ты понимаешь: жизнь может окончиться, так и не начавшись. Это знали и в деревне, и за её пределами. Но не страх вел их сердца, а желание выжить. Люди, которые были на грани отчаяния, хотели уберечь себя и своих родных, старались сделать всё возможное для спасения и шли на что угодно.

На небосводе, среди ещё не потухших огоньков, блеснула яркая падающая звезда. Увидев звездопад, Тист взял ладошку братика и замороженно наблюдал за красивыми небес-

ными телами, которые устроили целый парад — такое не каждый день увидишь. Столь маленькие, беззащитные яркие огни, пролетающие мимо, вызывали сочувствие к ним. Ведь где-то угасала жизнь...

— Мы братья с тобой не по крови, а по духу. И будем же мы всегда вместе встречать невзгоды и печали! — ободряюще произнёс тот, смотря уже не на испуганное лицо — младший словно ожил и был рад. — Если ты однажды снова будешь в беде, жди меня, я приду и спасу тебя, Сэмюэль, — эти слова будто согревали маленького плаксу, ведь он уже во всю улыбался.

Взрослые взволнованно разговаривали в комнате при свечках. Они хотели надеяться на самое лучшее, но надежд не было. Любая надежда была иллюзией — и всем это было известно, поэтому она не была перспективной. Самые беспокойные времена были подобны чёрной птице смерти — и как же это объяснить детям? Мир умирает, жизнь исчезает с этих земель. Смерть идёт, словно чума — зараза, от которой не избавиться никому.

Организация «Чёрная Роза», владеющая проходами в другие измерения, знающая лазейки в другие миры и планеты, предупредила их о неминуемой смерти. Но никто не знал, почему эта торговая гильдия не действовала. Они торговали всем, чем только возможно. И знак, что они показывали другим расам, говорил о том, что на их планету движется сама смерть — сам повелитель, высший создатель тёмных

сил — Марра.

Он, словно смерть, будет пожинать эту планету и всех её обитателей. Он — зло среди всех живых созданий, ведь сам уже умер. Его тело словно на атомы разлетелось в последнем военном походе. А всем известно, что тело такой первородной сущности подобрать очень тяжело. Ведь это вместилище не выдерживает такой ярости, злобы и ненависти.

Все эти эмоции он выплёскивал именно на живущих рабах. «Но правда ли это?» — знал лишь сам Марра. Из-за ненависти ко всем живым он разрушал их внутреннюю оболочку, проникал в их сердца и внутренний мир сознания, осквернял их желания и заставлял отдавать тело и разум, которые после он использовал так, как считал нужным. Никто не знал, куда девались души существ, которых он осквернял.

Этот первородный, по слухам, был зол на истинных создателей этого мира. Такую жизнь никто не выбирал — под тиранией, гнетом и страхом жить в ожидании своего конца.

— Мы должны договориться с торговцами? — спросил староста деревни, держась за голову. Они так сильно хотели, чтобы их дети были спасены, но, как говорят, не только они этого желали.

— Это невозможно, торговая гильдия не ведет переговоры, — ответила молодая девушка. Она была очень прозорливой учительницей и кладезью знаний для многих детей.

— Кто сказал, что это не невозможно? — выступила женщина, которая пекла сдобные изделия. Все тут же перевели

свой взгляд на неё.

— С чего вдруг, — продолжила мысль предыдущей женщины Шарлотта, не веря учительнице.

— Мы можем добровольно продать им детей в рабство, так хоть будут шансы на выживание, — ошеломила всех своим предложением.

Однако внезапно их прервал крик детей, слышавшийся на улице. С силой открыв дверь, взрослые увидели, как люди, одетые во всё тёмное, садили детей в какие-то клетки. Вдали были видны тёмные и светлые сгустки разлома — словно это была дверь в другое измерение. Шарлотта увидела старшего сына, лежащего на земле. Видимо, он пытался отобрать Сэмюэля у этих варваров.

Женщина побежала, чтобы помочь своему сыну, но вместо этого она ощутила колющий холод в груди. Жгучая боль пронзила тело. В плоть попало орудие, и холод постепенно переходил из грудной клетки в другие части тела, пока не дошел и до ног. Она уже не слышала, что происходило вокруг: крики друзей, с которыми она мило беседовала; отчаянные тех, у кого отбирали детей — вырывали из сердца и утаскивали насильно.

Несмотря на это, всё выглядело, как спасение для их детей. Но было и одновременно смертью для взрослых. Встав на колени, дрожащие от холода и сильного изнеможения, она направилась к самому дорогому, что было у неё — сыну. В адреналиновом порыве она даже сумела вырвать из своей

плоти стрелу, торчащую из грудной клетки. На подкошенных коленях, со слезами на глазах, женщина сумела встать. Из её носа уже текла кровь, вставшая в глотке комом, который не давал дышать. В ушах стоял сильный звон.

Взяв на руки своего любимого мальчика Тиста, который был без сознания, она, раненая и прихрамывающая, тащила его туда. Туда, где проход ещё не закрыли. Осталось лишь пару сантиметров — и он будет жив. Ноги сами клонились к земле, тело желало прилечь и отдохнуть, но мозг говорил, что нужно отнести его в эту расщелину. Расщелина закрывалась не так уж и быстро.

Торговая гильдия всегда надеялась, что после ухода и убийств вслед за ними никто не пойдёт. Почему же? Лишь по одной причине они жили — за счёт этого момента: грабежа перед гибелью планеты. Когда у людей нет надежды, они готовы отдать всё — даже свои жизни и жизни тех, кого сильно любят. Так почему же этим не воспользоваться?

Женщина медленно несла мальчика на руках, глядя на расщелину, состоящую из чего-то жидкого. Капельки её направлялись вверх. Расщелина напоминала круглое и небольшое зеркало, но им не являлась; напоминала воду, протекающую в местной реке, но тоже не была таковой. Как же велик этот мир.

Приложив последние усилия, матушка поставила колено прямо в шаг от прохода. Силы покидали её, но своё чадо она точно спасёт, пусть она лишь вырастила его, а не дала

жизнь. Она видела, что гильдия уже уехала, забрав с собою и её сына Сэмюэля. Однако она любила и Тиста, как родного, поэтому не жалела сил, когда он был опечален или встречал в неприятности.

Мальчишка стал приходить в себя. Голова была кругом. Однако в одночасье он оказался где-то в другом месте — переход и заставил его прийти в себя из-за ощущения холода. Повернув голову, он увидел её лик: тело было очень бледным, пальцы дрожали, страх в глазах Шарлотты словно исчез от одного взгляда на сына.

— Умоляю тебя, сынок мой, исполни моё последнее желание, — откашлялась та. Голос её дрожал, а тело не могло даже и пошевелиться. На землю проливалось много крови, — спаси своего брата Сэмюэля, — и это оказалось последним, что она сумела сказать, когда позади неё показалось что-то тёмное и холодное. Оно так пугало, что и посмотреть было невыносимо страшно.

За спиною стояла старуха, одетая в чёрные лохмотья. В руках у неё была деревянная трость, пальцы дрожали, белки глаз были чёрными, словно ночь. Взгляд её янтарных глаз сверкал, пугая, словно огонь, который она вселяла в сердца живых. Внезапно проход закрылся. Подобно жидкости, он, как капля дождя, упал на сухую землю, и оттуда в одно мгновение появился росток дерева.

— Мам? — испуганно, с надеждой спросил в пустоту, но в ответ услышал жуткий шум.

Переведя свои глаза наверх, парень обомлел: сильный водоворот сжимал планету, что была видна прямо отсюда. Вероятно, это и была та самая планета. Словно пожиратель, ненасытный вихрь вбирал в себя весь мир, не оставляя никому ни шанса на спасение.

Интуиция подсказывала мальчику, что это тот мир, в котором он жил. Матушка и все её жители исчезли во мгновение ока в этой вселенной, где никому не было дела до спасения столь ничтожных и малых существ вроде них.

Сидя на коленках в тёмном неизвестном месте, внутри себя он ощутил пустоту, холод, отчаянье и гнетущий страх, которые обуяли его сердце. Боль, что загорелась, словно факел, в груди, сжигала его чувство любви, прошлые желания и тёплые воспоминания о той, что вырастила его, о друзьях, которые были для него столь ценными, о брате, который исчез в одно мгновение.

Мир, который был ему так дорог, исчез в мгновение ока, и ничего уже не вернуть. Жизнь и смерть связаны красной нитью. Развяжешь один узелок — родится кто-то столь добрый, что его доброта поможет всем окружающим. А если нить порвется, то и жизнь оборвётся.

Он не знал, что делать, и просто сидел на коленях, застыв. Глаза его поблекли, а чувства словно исчезли из доброго ныне сердца. Дыхание замедлилось, а разум словно погрузился в неизведанный внутренний мир. Тело перестало подавать хоть какие-то признаки жизни — оно охладело.

Внезапно в этом тёмном месте сгустились тучи и грянул гром. Холодные капли — одна за другой — стали падать на почву, пропитывая её.

Парень сидел в свитере, который мать очень давно связала ему на день рождения. Рукава длинные, жёлтые, с рыжими вставками по бокам. В области животика были два листа — они как живые, словно с дерева упали два клиновых листа прямо на этот свитер. Обувь Тист не мог носить — она сильно жала его пятки, поэтому он всегда ходил босиком: привык так и не может иначе. Штаны тоже были вязаные, желтоватые, с неким рыжим оттенком.

Мальчик так и сидел под холодным дождём, не осознавая, что произошло. На лице отражался глубокий шок, а тело не слушалось.

Планета Анровер.

Темница тут была самой суровой во вселенной; самые тёмные места, в которых ты не услышишь ничего, кроме тишины. Страх, что обитает в этих стенах, нельзя передать словами. В сердцах живых водится ужас, не дающий им покоя. Тюрьма Анкорвер — это не внушение через физические страдания и пытки, а страх, поселённый в сердцах живых. Их желания, которых жаждут, просто не сбудутся. Срок заключения здесь пожизненный. Заключённым говорят то, чего они не желали бы услышать, и дают то, чего они не хотели

бы увидеть. Их ставят в те условия, которые им не выгодны.

В этом месте коридоры пустые. Там темно и холодно — и это сводит живых с ума, ведь мрак и тишина — их наказание. Наказание за преступления против живых, убийства, грабежи, мучение, работорговлю — и это ещё не всё, за что здешние расы расплачиваются. Но есть в тюрьме и такое место, где держат особенных созданий, чей вид не смогли опередить.

Женщина в длинном пышном чёрно-белом платье и с чёрными волосами медленно шла, в руках её были весы. Они слегка качались, и было видно, что на одной стороне находится мрак, а на другой — свет. Шагая по коридорам этого тусклого места, она подходила к камере одного создания, чей вид и род нельзя было определить.

Этот мальчик сидел, закованный в цепи. Женщина, которая подошла к решётке, не могла видеть: зрение у неё было не такое, как у всех. Её глаза были завязаны повязкой. Тёмный туман перевешивал на весах. Она перевела свой взгляд на парнишку.

— Не ожидала, что найду тебя здесь, — с радостью выразилась та и слегка улыбнулась. Улыбка была тёплой и приветливой. Кажется, женщина была настроена забрать отсюда парнишку. — Дарион? — произнесла она его имя, и тот словно ожил.

Дарион, не имевший ни кола, ни двора, был в этих стенах много лет.

— Вы меня знаете? — усмехнулся тот, словно рад был тому, что по его душу пришли.

— Кто бы мог подумать, что сын Мирры и Марры будет сидеть в такой дыре, — высказалась женщина, зная, что за мальчик был перед ней. Но вот почему он был тут — не знала. Сам ли он наказал себя за ошибки прошлого своих родных — отца и матери — или же нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.